

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
//Художественная литература, Москва, 1959
FB2: "Vitmaier ", 2007-02-09, version 1.0
UUID: DBF085EC-204B-406E-BAF9-282CE143AFDA
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Тазит (Поэмы)

Содержание

* * *	.0004
Из ранних редакций	.0016
Комментарий	.0018

**Александр Сергеевич
Пушкин
ТАЗИТ**

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.
В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.
В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряженные волы
Стоят перед саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,
И, внемля шум небоевой,
Мянутся спутанные кони.
Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:

Неразряженную пицаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила[1]
Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смирняя молча пыл коней...
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной
Воспримет труп его немой...

Уж труп землю взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу —
И скорбному старик отцу

Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнул. Смотрит торопли-
во
Гасуб на отрока. Тазит,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.
И в горе им Гасуб любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками

Его он хочет угощать
И после честно провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец, печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.

*

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит
Всё дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Всё в лес глядит; всё в глушь уходит.
Он любит — по крутым скалам
Скользить, ползти тропой крем-
нистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?

Чего желает он тогда?
Из мира дольного куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима глубь сердец,
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

Но отец
Уже Тазитом недоволен.
«Где ж, — мыслит он, — в нем
плод наук,
Отважность, хитрость и провор-
ство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик».

*

Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,
На третий он домой приходит.

Где был ты, сын?

В ущелье скал,
Где прорван каменистый берег,
И путь открыт на Дариял.

Что делал там?

Я слушал Терек.

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

Он был со стражей?

Нет, один.

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса? —

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

*

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.

Где был?

За белою горой.

Кого ты встретил?

На кургане
От нас бежавшего раба.

О милосердая судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил? —

Тазит опять главу склонил.
Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование.
«Нет, — мыслит он, — не замети
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают золото.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на
звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с ногойскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».

Тазит опять коня седлает.
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
«Где был ты?»

Около станиц
Кубани, близ лесных границ
.....

Кого ты видел?

Супостата.

Кого? кого?

Убийцу брата.

Убийцу сына моего!..
Приди!.. где голова его?
Тазит!.. Мне череп этот нужен.
Дай нагляжусь!

Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Ты долга крови не забыл!..

Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем...
Где ж голова?.. подай... нет сил...

Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не
сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной! поди — чтоб
слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной
встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на пле-
чи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень

*Тебя веревкою поймали
И как волчонка затерзали,
Чтоб ты... Беги... беги скорей,
Не оскверняй моих очей!»*

*Сказал и на земь лег — и очи
Закрыв. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Уже на синий небосклон
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал,
Никто ему не отвечал...*

*

*Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались.
Верьхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелой шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.
Но между юношей один*

Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стрем-
нин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его...

О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах.
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятенье, в речи краткой,
В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,
С подружкой резвой говоря —
И вдруг садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела
И разгоралась, как заря —
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованый кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит

*К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден — но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей — проверженный супруг».*

1829^{—1830}

Из ранних редакций

В черновике поэма имела продолжение:

*Но с неприязненною думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал,
Махнул рукой и отвечал:
«Ты мой рассудок искушаешь,
Иль испытуя, иль шутя...
Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя
Тому, кто в бой вступить не сме-
ет,
Кто робок даже пред рабом,
Кто мстить за брата не умеет,
Кто изгнан и проклят отцом?
Ступай, оставь меня в покое!» —
Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор.
Тазит сокрылся. С этих пор
Ни с кем не вел он разговора
И никогда на деву гор
Не подымал несчастный взора.
Но под отеческую сень
Не возвратился сын изгнанный,
Настала ночь и снова день
[...] вечер хладный и туманный*

*[...] по горам [...]
Он как сайгак чрез бездны скачет
То [...]
Сидит печальный, одинокий...*

Первоначально Пушкин задумал написать свою поэму в другом размере. От этого замысла сохранились наброски начальных стихов:

*Не для тайного совета,
Не для битвы до рассвета,
Не для встречи кунака,
Не для свадебной потехи
Ночью съехались адехи
К сакле [...] старика.
Хищник смелый, сын Гасуба,
Вся надежда старика,
Близ развалин Татартуба
Пал от пули казака.*

Комментарий

Эту неоконченную поэму Пушкин писал в конце 1829 — начале 1830 г. Впервые напечатана в 1837 г., после смерти поэта. В черновой рукописи сюжет поэмы продвинут несколько далее (отказ отца невесты Тазита и несколько набросков, говорящих о горьком одиночестве юного горца; см. «Из ранних редакций»). О дальнейшем содержании поэмы дает некоторое представление один из планов ее, сохранившийся в рукописях Пушкина. Там говорится о встрече отвергнутого своими близкими Тазита с миссионером. По-видимому, он становится христианином. Возникает война между адехами и русскими. Тазит принимает участие в сражении — не ясно только, на чьей стороне — и гибнет. Из плана не видно, примиряется ли перед смертью Тазит с отцом и другими единоплеменниками, или он так и умирает отверженным. Основная проблема «Тазита» — национальная (близкая к одной из тем «Полтавы»), вопрос о путях сближения кавказских народов с русскими. Пушкин много размышлял об этом во время

своего путешествия на Кавказ летом 1829 г. В «Путешествии в Арзрум» он писал: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее, углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги». Пушкин предполагает, что экономические связи могут содействовать сближению кавказских горцев с русскими: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря (нынешнее Черноморское побережье, принадлежавшее тогда Турции. — С. Б.), отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши (т. е. европейского культурного быта — С. Б.) может благоприятствовать их укрощению...» («Путешествие в Арзрум», глава первая). Но самым сильным и действенным средством Пушкин считал проповедь более гуманной религии — христианства. Это средство, по его мнению, должно смягчить суровые нравы горцев и уничтожить их кровавые обычаи. В поэме «Тазит», как бы проверяя эту последнюю мысль, Пушкин рисует реальную картину столкновения

новой, христианской морали с суровым бытом и понятиями горцев и показывает трагические последствия этого столкновения.

В стиле поэмы, как замечено исследователями, чувствуется стремление Пушкина приблизиться к формам народного творчества, к приемам восточного сказания.

Описание похорон, открывающее поэму, воспроизводит виденные Пушкиным похороны в одном из осетинских аулов, о чем он рассказывает в первой главе «Путешествия в Арзрум»:

«Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке;

*...like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him;
[2]*

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости

поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула». Поучительно сравнить это скупое и сдержанное описание со стихами «Газита», где дана та же картина, но обогащенная множеством живых, конкретных, эмоционально насыщенных поэтических деталей (унылая песнь муллы, мятущиеся кони, отец покойника между женщинами, два узденя, несущие бурку, огнистый закат и многое другое). «К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов», — заканчивает Пушкин свое описание в «Путешествии в Арзрум». В поэме он нашел сам прекрасное поэтическое и вполне убедительное их объяснение.

С. М. Бонди

Примечания

1

По верованиям магометан, ангел смерти.

[^^^]

2

Он лежал, как отдыхающий воин, завернувшись в свой боевой плащ (*англ.*) (из стих. Ч. Вульфа «Погребение сэра Джона Мура»).

[^^^]